

А. А. Селин

«ИЗГНАННЫЕ ИЗ ЛИВОНИИ»: ОБ УСТРОЙСТВЕ ПОМЕЩИКОВ «СТАРЫХ» И «НОВЫХ НЕМЕЦКИХ ГОРОДОВ» ПОСЛЕ ПЛЮССКОГО ПЕРЕМИРИЯ*

Становление поместной системы в России — один из ключевых процессов, оказавших влияние на формирование устройства общества и характера политической власти в этой части Европы в конце XV – начале XVI в. Два основных взгляда на возникновение данного феномена, а также его сравнительные контексты наиболее четко сформулированы в последнее время в работах М. М. Бенцианова и В. Д. Назарова. Согласно М. М. Бенцианову, поместная система возникла после сосредоточения в руках великокняжеской власти земельных владений беспрецедентного объема в результате покорения Новгорода в конце XV в. В дальнейшем же, по мере экспансии (в разных направлениях), опыт новгородских поместных раздач «переносился» на вновь присоединяемые территории¹. В. Д. Назаров делает акцент на явлениях середины XV в., благодаря которым возник институт поместного землевладения в центральных областях Великого княжества Московского еще до присоединения Новгорода². Строго говоря, прямой дискуссии между этими двумя позициями нет, скорее, по-разному оценивается значение двух разных путей возникновения изучаемого явления.

Завоевания Москвы в Ливонии в середине XVI в. имели одним из своих следствий возникновение на захваченных территориях поместного землевладения. Этот процесс

---

* Данная статья написана в рамках исследовательского проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.: «Трансформация режимов управления разнообразием: практики и дискурсы изменения подданства в Российской империи»

¹ Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019.

² Назаров В. Д. К истории светского землевладения в России XV – начала XVI в.: коллективный снимок 1504 г. с пояснениями и дополнениями // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 6. Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2019. С. 20–26.

хорошо освещен в историографии³. Крах «Русской Ливонии» в начале 1580-х гг. привел к необходимости ликвидировать как уездное управление на новых территориях, так и возникшие здесь «служилые города». Для исследования истории эвакуации русских помещиков из Ливонии представляется важным определить, как и за счет чего произошло их испомещение после Ям-Запольского и Плюского перемирий.

Б. Н. Флоря обратил внимание на сохранившиеся указания вновь присоединенных территорий в Ливонии в писцовых книгах, где именно писцы осуществляли раздачу земель в новых уездах Московского царства. Как показал Н. Ангерманн, уже к началу похода на Полоцк сформировались «служилые города»: Ругодив (бывшая Нарва), Раковор (Везенберг), Юрьев (Дерпт) и Вильян (Феллин), а также, как показал Б. Н. Флоря, к 1561 г. поместья были близ Апсея (Гапсаля), еще не захваченного московским войском.

А. И. Филюшкин в программной статье о «Русской Ливонии» XVI в. очень близко подошел к утверждению о том, что поместное землевладение было способом и «приводным ремнем» построения империи московскими государями⁴. Проблему ученый видит в ответе на вопрос, почему здесь, в Ливонии, не «сработала» модель интеграции нового присоединенного пространства в новую «империю». Он пишет, что «русские в Прибалтике не смогли переделать инфраструктуру общества»⁵. Уход русских из Прибалтики в 1580-х гг. поставил точку в данном проекте. В других работах А. И. Филюшкин описывает русских в Ливонии и собственно ливонцев в середине XVI в. как два мира, практически не пересекающихся, и отмечает слабую интеграцию помещиков в ливонское общество. По мнению ученого, русские в Ливонии во второй половине XVI в. строили свой мир, отдельный, «тефлоновый» по отношению к уже сложившемуся ливонскому обществу⁶.

Тем интереснее сравнение неудачного (в силу политических либо социальных причин) опыта испомещения русских (по сути — новгородских) помещиков в присоединенных территориях западнее Наровы с успешным (первым?) опытом создания поместий в Новгородской земле в 1480–1490-х гг. Тогда проникновение «переведенцев» из центральных областей Московского великого княжества в Новгородскую землю прошло, по всей видимости, безболезненно. Можно также сравнить ливонское испомещение с «освоением» вторым-третьим поколением этих «новых» новгородских помещиков новых территорий, присоединенных на западе (Псковская земля, Торопецкий уезд).

³ О процессе возникновения поместного землевладения в Ливонии см., например: *Новицкий Г. А.* Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558–1582) // *Вопросы истории.* 1956. № 4. С. 134–138; *Буганов В. И.* Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577–1578 годах // *Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965.* С. 290–315; *Флоря Б. Н.* К истории русского поместного землевладения в Ливонии // *Русский дипломатий.* Вып. 5. М., 1999. С. 214–216.

⁴ *Филюшкин А. И.* Проект «Русская Ливония» // *Quaestio Rossica.* 2014. № 2. С. 97–98.

⁵ *Филюшкин А. И.* Проект «Русская Ливония»... С. 103.

⁶ *Filyushkin A.* The Livonian War and the Mentality of the Russian Nobles // *Canadian-American Slavic Studies.* 2013. Vol. 47. P. 420–435; *Филюшкин А. И.* Свое или чужое? Обеспечение боеспособности русской армии в годы Ливонской войны (1558–1583) в контексте военного производства // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время.* Вып. 4. Четвертые Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Вып. 4. М., 2015. С. 597–602.

Х. Граля в работе о «Русской Ливонии» (отчасти полемической по отношению к одновременно опубликованной статье А. И. Филюшкина) не ограничился рассмотрением вопроса об испомещении, но коснулся и проблемы управления данной территорией, а также публично-политических проектов, осуществлявшихся здесь московской властью в 1558–1582 гг. Граля приближает своего читателя к пониманию причин неуспеха проекта: непривычная плотность населения и (полагаю, главный аспект) высокая степень урбанизации края, выражавшаяся не только в большом числе городов, но и в развитой муниципальной/городской жизни. При этом, с точки зрения ученого, преобразования русской власти в Ливонии влекли за собой весомые демографические последствия. Одновременно он отмечает разочарование московских переселенцев из-за невозможности управлять новыми полученными имениями. Отмечает Х. Граля и чрезвычайно важные, как мне представляется, случаи «выводов» из Ливонии, в ряде случаев замененные «обыкновенным восточным “ясыром”» — прямой продажей в рабство ливонских обывателей. Все это привело к тому, что значительная часть жителей покоренных областей стала искать покровителей среди других государей (тогда как ни новгородцам конца XV в., ни казанцам середины XVI в. такой видимой альтернативы не представлялось). Среди одной из важнейших причин неудач Х. Граля называет гонения на иноверцев/лютеран и католиков в Ливонии (несмотря на провозглашенную религиозную терпимость). Не менее значимы были и субъективные действия «грозного царя», чрезвычайно часто прибегавшего к террористическим методам управления (что, впрочем, не влияло на легитимность его власти ни в Москве, ни в Новгороде Великом)⁷.

До появления концептуальных исследований Херонима Грали и Александра Филюшкина классическим трудом о русской Ливонии считалась небольшая книга Норберта Ангерманна, в которой ученый рассмотрел собственно обоснования притязаний Москвы на Ливонию, воеводское управление и вопрос о противоречиях в московской элите по поводу завоевания Ливонии⁸. Истории поместного землевладения в Ливонии и его связи с землевладением в Новгородской земле касались работы Дж. Мартин, которая впервые отчетливо показала, что именно новгородские помещики составляли основу русской «колонизации» Ливонии. Проследив судьбу двух из них, она попыталась определить, какие возможности давало получение поместья на новозавоеванных землях «государевой искони вечной вотчины Ливонской земли» и какие вызовы перед ним возникали⁹. О бывших ливонских помещиках, вернувшихся в Пусторжевский уезд, писала Н. В. Пиотух. Ее главный герой, Михаил Иванов сын Бурцов, был после возвращения из Ливонии также испомещен в Пусторжевском уезде¹⁰.

---

⁷ *Граля Х.* «In Der Tyrannen Hand». Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в.: Планы и результаты // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2. С. 175–193.

⁸ *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg/Lahn, 1972.

⁹ *Martin J.* Two Pomeshchiki From the Novgorod Lands: Their Fates and Fortunes during the Livonian War // *Russian History*. 2007. Vol. 34. P. 239–253.

¹⁰ *Пиотух Н. В.* 1) Деревня, сельцо, село: Типология сельских поселений // *Россия в средние века и новое время: Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова*. М., 1999. С. 199–215; 2) Служилые люди на Ливонской войне // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг.* Псков, 2003. С. 161–183.

Особенное значение для исследования проблемы имеет статья В. А. Аракчеева¹¹, где автор впервые в историографии попытался выявить законодательную базу, на основе которой власти гарантировали поместное обеспечение бывшим ливонским помещикам. Работу В. А. Аракчеева сложно переоценить: она имеет значение не только для исследований данного феномена, но и касается самих принципов, на которых была построена поместная система в Московском царстве XVI в. Автор датирует указ об испомещении выведенных из «немецких городов» помещиков временем от 23 января по 4 марта — то есть тем периодом, когда собственно вывод и осуществлялся. Основным источником для истории «ливонского» землевладения В. А. Аракчеев справедливо указал новгородские, псковские, пусторжевские и великолукские писцовые книги 1580-х гг. Функцией двух последних было полевое описание земель, преимущественно из категории «порозжих», и одновременно фиксация отвода новым помещикам владений в этих землях. Основная масса выведенных из Ливонии помещиков, согласно оценке ученого, получила владения в Пусторжевском и Великолуцком уездах. Всего, по В. А. Аракчееву, из Ливонии было «выведено» не менее 400 помещиков¹².

А. Селарт, исследуя вопрос о следах русского землевладения в Эстонии, прежде всего остановился на той небольшой части помещиков, которая не вернулась в Московское царство после 1583 г. Его исследование посвящено тому, как оставшиеся в Ливонии (или эмигрировавшие туда) русские интегрировались в местное общество. Ученый оценивает эту интеграцию как очень успешную, в силу того, что, по его наблюдениям, социальная роль помещика была важнее происхождения, и шведские власти Северной Ливонии создавали условия для такой интеграции. Ее символом может служить двуязычный каменный крест на могиле Василия Разладина, между Раквере и Нарвой (именно этот крест, как считает А. И. Филюшкин, отражает суть русской Ливонии)¹³. Вопрос о выводе и испомещении ливонских помещиков был также поставлен в ранней работе А. Я. Дегтярева¹⁴, в недавнем прошлом Н. Н. Петрухинцевым¹⁵.

Среди источников по русскому землевладению в Ливонии выделяется писцовая книга Водской пятины 1582 г. Она составлялась в условиях непрекращающихся военных

¹¹ Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 38–42.

¹² Этой же темы В. А. Аракчеев коснулся еще в одной своей работе, посвященной представителям рода Пушкиных среди погребенных в Псково-Печерском монастыре. Примечательно, что Пушкины-пусторжевцы, идентифицированные по надписям на керамических надгробьях монастыря, относились к бывшим «помещикам немецких городов», в том числе и главный «герой» этой статьи В. А. Аракчеева, Суббота Степанов сын Пушкин (в иночестве Иона), пусторжевский окладчик 1595 г.: Аракчеев В. А. Род Пушкиных и Псково-Печерский монастырь // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1995. С. 51–56.

¹³ Селарт А. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2. С. 3–14; Филюшкин А. И. Проект «Русская Ливония»... С. 94.

¹⁴ По подсчетам А. Я. Дегтярева и В. М. Воробьева, примерно половина помещиков Водской пятины в 1580-х гг. относились к «новым помещикам немецких городов» (Дегтярев А. Я. Избранные труды по русской истории. Т. 1. М., 2006. С. 222). Полагаю, в работе не учтены раздачи в бывших дворцовых волостях Водской пятины.

¹⁵ Петрухинцев Н. Н. Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // Cahiers du monde russe. 2015. Т. 56. Nr 1. S. 139–140.

действий именно на той территории, которую писцам Елизарию Старому, Самсону Дмитриеву и подьячему С. Киселеву было приказано описать. В описаниях не занятых «немцами» погостов Водской пятины отдельно выделены разделы: «За помещики», «За земцы», «За монастыри», «В порозжих землях», «За помещики, а после были в порозжих землях... и по государеве грамоте Елизарей Старой да подьячей Семейка Киселев те порозжие земли роздали в поместья детям боярским немецких городов»¹⁶. Таким образом, издание «государевой грамоты» об испомещении и само испомещение явно начались еще до подписания Плюсского перемирия и до начала официальной эвакуации «Русской Ливонии». Уникальность писцовой книги Водской пятины заключается также в том, что в ней указаны города, откуда были эвакуированы помещики. В целом, географию эвакуации полностью сложно оценить — источников почти нет. Писцовая книга Водской пятины — единственный документ, который содержит указания на города, из которых выводились помещики (таблица 1, карта 1). Другие писцовые книги упоминают просто особую категорию землевладельцев — «новые помещики немецких городов» — без уточнения, откуда именно они оказались «выведены».

Таблица 1. Города (центры уездов) «Русской Ливонии», из которых выводились помещики, испомещенные после 1583 г. в Водской пятине

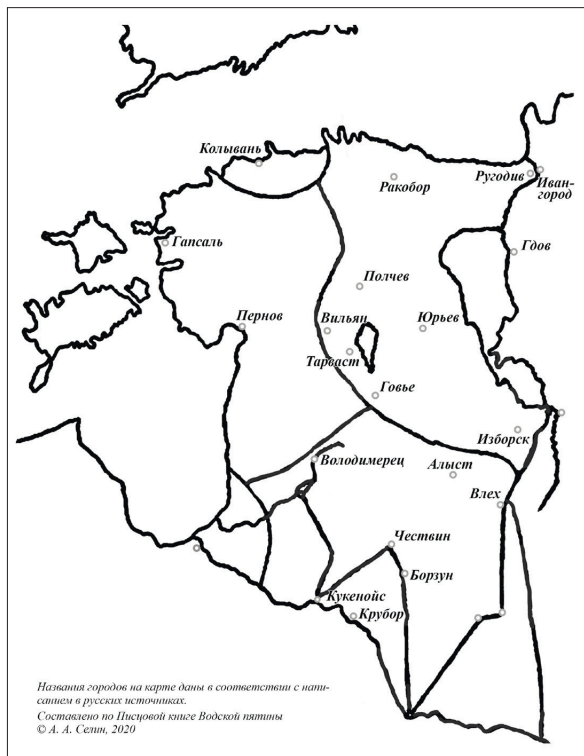
Ливонский город	Число помещиков
Юрьев	10
Чествин	2
Борзун	3
Алыст	4
Пернов	3
Кукенойс	3
Влех	7
Полчев	2
Каркус	1
Тарваст	1
Ругодив	3
Вильян	6
Крубор	1
Володимерец	3

В таблице использованы «русские» названия ливонских городов.

Важным является вопрос о численности эвакуированных и времени их испомещения. В. А. Аракчееву удалось собрать следующие данные: 43 вновь испомещенных служилых человека оказались в Водской пятине, 43 — в Шелонской пятине, 62 — в Тверской половине Бежецкой пятины. Основная масса, более 200 — в Пусторжевском и Великолуцком уездах. Всего, по Аракчееву, после эвакуации Ливонии было переселено не менее 400 помещиков. Исследователь не учел данных по Обонежской пятине, где после 1583 г. было появилось несколько десятков бывших «помещиков немецких городов».

¹⁶ Писцовая книга Водской пятины письма и меры С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева // РГАДА. Ф. 1209. Д. 958. Л. 418.

Особыми группами эвакуированных из Ливонии служилых людей были «ругодивские» и «юрьевские новокрещены», а также «говейские казаки». Ругодивские новокрещены получили поместья в Водской пятине в 1582 г. (их было немного, данные

Карта 1. Города «Русской Ливонии», из которых выводились помещики, испомещенные после 1583 г. в Водской пятине

говорят только о троих; один из них — Никита Итбеков сын Черкасский — имел княжеский титул)¹⁷. 29 «юрьевских новокрещена» и 27 «говейских казаков» испомещены в Удомельской волости, где к 1583 г. они были пожалованы поместьями. В писцовой книге Бежецкой пятины 1625 г. в Удомельской волости упоминаются их бывшие поместья¹⁸. Говейские казаки в годы Ливонской войны стояли гарнизоном в крепости Говья (Адзель), отошедшей после Ям-Запольского перемирия (1582 г.) к Речи Посполитой. О них сохранились упоминания в разряде похода под Ревель в 1570 г., когда из Пскова были посланы головы казачьи с «себежскими, красногородскими и говейскими жилецкими казаками». Есть упоминания о говейских казаках и в разряде успешного похода на Кукенойс (Кокенгауз) в августе 1577 г. — 196 говейских казаков было назначено в гарнизон захваченного города. После эвакуации Говья, в 1583 г. 55 бывших говейских казаков и новокрещенов получили поместья в Удомельской волости Бежецкой пятины. Сперва они удостоились ничтожных владений: между ними (Данилом Казанцем с 54 товарищами) было разделено под усадища поместье Андрея Мозовского. Они сохраняли свои поместья и в 1590-е гг.¹⁹ В десятне новокрещенов 1605/06 г. упомянуто 12 говейских казаков. Все они были назначены в рассылочную службу, зафиксирован и минимальный в десятне оклад — 40 четвертей у Сергейшки Уланова сына Гуляева.

¹⁷ Князь Никита к моменту испомещения скончался, в 1582 г. значилось: «За княж Никитинскую княгинею Ориною Илбекова Черкасского да за ее братом за Богданом за Офонасьевым сыном Новокщенова погост Луской» (Писцовая книга Водской пятины... Л. 231).

¹⁸ К 1625 г. в Удомельской волости не осталось потомков «ливонских новокрещенов и казаков», хотя другие новокрещены (к примеру, Аракчеевы) там числились.

¹⁹ Обыск губного старосты Степана Александрова в Никольском погосте Удомельской волости о поместье Нечая Юренева. 1594. 1.11 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16954. Л. 19–20.

Надо отметить, что в 1582–1583 гг. эвакуировалась не только бывшая «Русская Ливония». Помещики теряли земли также и в тех уездах Новгородской земли, которые по Плюсскому перемирию были удержаны шведскими властями (Ивангородский, Ямской, Копорский уезды) — на это есть указания в разных источниках. Писцовая книга Водской пятины 1582 г., достаточно сложный по составу памятник, содержит прямые указания владений бывших «помещиков немецких городов», утративших также и владения в западных погостах пятины²⁰.

В исследовании данного вопроса серьезное значение имеет оценка качества поместий, полученных в 1580-х гг. ливонскими «выведенцами». Как сказано выше, В. А. Аракчеев обратил внимание на существование царского указа об обеспечении их земель в Великолуцком уезде. По В. А. Аракчеву, первоначально пошли в раздачу бывшие дворцовые села. Писцовая книга упоминает земли, «что были государевы дворцовые села, а ныне по указу роздали в поместья детям боярским лучанам новым помещикам разных немецких городов»²¹. В начале 1580-х гг. в новгородских пятинах «ливонским помещикам» выдавали преимущественно порожжие земли, но позднее в раздачу пошли также дворцовые волости (видимо, после 1583 и 1584 гг.): прежде всего — Прибужская дворцовая волость в Шелонской пятине, волости Бельская и Василия Онаньина в Будковском погосте Водской пятины²² и удомельская дворцовая волость в Бежецкой пятине (о ней см. выше)²³.

Кроме выведенных из Ливонии помещиков правительство, вероятно, брало на себя гарантии поместного обеспечения всем взятым в плен и возвращавшихся после заключения Плюсского перемирия. «Немецкие полоняники» испомещались вплоть до 1590-х гг. Примечательно, что после успешных походов на Копорье и Ивангород в 1590 и 1591 гг. и отвоения пространства между Тосной и Наровой бывшие «немецкие» помещики стали испомещаться на этих заново отвоенных землях. Так, в 1595/96 г. «немецкий полоняник» Григорий Григорьев сын Чортов получил 110 четвертей в Ижорском погосте вместе со своими дядьями и троюродными братьями²⁴. В 1595/96 г. началась раздача

---

²⁰ Ср.: «А оклад писан в Грузинском погосте, а за ним было в Копорском присуде в Каргалском погосте полбужи, да в Ямском присуде в Егорьевском в Ратчинском погосте полторы обжи» (Писцовая книга Водской пятины... Л. 152–153 об.).

²¹ «И всего на Луках Великих испомещено детей боярских новых помещиков разных немецких городов...» (Писцовая книга Великолуцкого уезда письма и дозора кн. Д. С. Елецкого. 1584/85. Список кон. XVI в. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 244. Л. 1202).

²² «За детьми боярскими за новыми помещики роздана Васильевская волость Онаньина» (Платежная книга сбора денег на охотничьи прогоны с поместий и вотчин и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Водской пятины Полуужской половины губного старосты Селиверста Зиновьева. 1601/02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16964. Л. 191 об.).

²³ Обыск Ждана Неплюева, губного старосты Степана Александрова и подьячего Данила Соловецкого в Никольском Поддубском погосте в Еванове о помещичьей пашне в Никольском погосте в Удомле. 1592. 25.09 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 17139. Л. 105–120 об.; Платежные книги ямских денег и денег за стрелецких лошадей Тверской половины Бежецкой пятины сбора неслуживого Осея Харлантьева и губных целовальников Степанка Иванова, Васьки Назарова, Копоса Григорьева и Васьки Назарова. 1601/02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 964. Л. 204–218.

²⁴ Обыск губного старосты Бориса Вельяшева в Никольском Ижерском погосте о 16 четвертях поместья Петра Чертова, которые не смогли найти при его разделе в 1595/96 г. 1599. 1.06 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 132–134.

поместий во вновь присоединенных погостах Орешковского, Ямского, Копорского и Ивангородского уездов, что было зафиксировано писцами А. Ф. Третьяковым и К. О. Безобразовым²⁵.

«Помещики немецких городов» размещались на новых местах и получали там свои новые служебные назначения. Так, помещик Рогач Андреев сын Оболянинов — типичный представитель московского служилого люда, выросшего в годы Ливонской войны, происходил от той ветви Оболяниновых, которая в конце XV в. испомещена в Деревской пятине. В январе 1579 года Р. А. Оболянинов служил стрелецким головой в занятом московскими войсками Пернове (где под его началом находилось 400 стрельцов). В 1579 г. ему, владевшему прежде поместьем в Раковорском уезде, «за его прежние раны и за службу» было пожаловано новое поместье близ нового места назначения. Кроме поместья в Пернове, ему был пожалован двор «немца Колоберя», «...на нем полата каменная да камора, а над полатою вверху полата ж каменная с окончинами, да перед полате каменное с поварнею, да три погреба». Однако Пернов был сдан, Р. А. Оболянинов стал стрелецким головой в Орешке, и 8 марта 1583 г. «по памяти за приписью дьяка Юрья Нелединского... дали ореховскому стрелецкому голове Рогачю Оболянинову в его оклад и с придачею 600 чети... в Ореховском присуде... в Введенском в Дудоровском погосте»²⁶. В 1588 г. он был назначен наместником в Ладогу, что, вероятно, стало пиком его карьеры.

Другим примером новой службы ветеранов Ливонской войны является случай братьев Колобовых. По источникам известны несколько братьев, детей Молчана (Алексея) Колобова: Владимир, Игнатий, Ефим и Пятой. Владимир, Игнатий и Ефим воевали в Ливонии. В эпоху «Русской Ливонии» Владимир служил «ругодивской стрелецкой головой»²⁷. После эвакуации «ливонцев» три брата получили поместья в дворцовой Бельской волости в Будковском погосте Водской пятины. Сохранилось описание двора Ефима Колобова 1600 г. в деревне Пантелеевичи на Оредеже: «Двор помещиков, а в нем живет Ефим Колобов, да на дворе с огородом и с огуменником пятьдесят пять сажень, а поперег осьмнадцать сажон на две обжи, да за улицею его ж старое дворовое место, в длину дватцать сажень без чети, а поперег семнатцать сажень с полчетью, на обжю, да Ефиму ж отмерено на полторы обжи в паренинном поле под двор и огород подле Тимофеева Миткова гумна и огорода дватцать девять сажень без чети, поперег дватцать три сажени»²⁸. Тимофей Митков, сосед Е. Колобова, также был «ветераном», бывшим ливонским помещиком.

Еще одним переведенным из Ливонии в Водскую пятину помещиком был Михаил Мустофин. В сентябре 1585 г. в числе других детей боярских Хрепельского погоста

²⁵ Обыск губного старосты Селивестра Зиновьева в Введенском Дудоровском погосте о поместной пустоши Куткуеве. 1600. 27.04 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 310 об.–313. — Об этом письме см.: Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 15, 491–492.

²⁶ Писцовая книга Водской пятины... Л. 503 об.–504.

²⁷ Роспись (разборные списки) служилых людей по Новгороду Великому. XVI–XVII вв. Список 2-й пол. XVII в. Без начала // Архив СПбИИ. Кол. 154. Оп. 2. Д. 188.

²⁸ Дозор и раздел губным старостой Шелонской пятины Федором Вельяминовым и подьячим Одинцом Ивановым поместных земель в д. Пантелеевичи Будковского погоста. 1600. 17–21.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 279–309 об.

и Бельской волости он отказался дать подводы к устройству Дремяцкого яма: «у нас государева жаловальная грамота, что де нам своих поместьев никаких государевых податей ни подвод не велено давати (NB: грамота дана с Москвы, а не из Новгорода. — А. С.)... а учнете де вы к нам о посольских подводах вперед ездити, и нам вас бити и граби[ти]». Данное высказывание хорошо иллюстрирует то, как ветераны Ливонской войны противопоставляли себя местному обществу: наличие «государевой грамоты» освобождало их от части обычных повинностей²⁹.

Рассмотренный материал показывает, что к середине – концу XVI в. именно поместное обеспечение становится важнейшим стимулом для служилого человека. Взаимоотношения центральной власти и помещика строятся на взаимных обязательствах, а утраченные из-за военных неудач, перекройки границ, поместья требуют компенсации. Не имеет особенного значения, сколь долго тот или иной служилый человек был помещиком в том или ином уезде; нет особой разницы, сколь долго тот или иной уезд был под властью московского государя. Все это делало поместную систему способной к воспроизводству на любой вновь присоединяемой (или «возвращаемой») территории. Новгородцы были испомещены практически во всех уездах Ливонии (хотя обращает на себя внимание то, что большинство помещиков Водской пятины 1582 г. были изгнаны именно из «старой Ливонии», завоеванной до 1577 г.).

Опыт воспроизводства «московского института» на новой территории в большей степени подтверждает концепцию М. М. Бенцианова: экспансия поместного землевладения в Ливонию протекает таким же образом, как ранее в Смоленске, Псковской земле, отчасти — в Казанском царстве. Феномен эвакуации помещиков показывает, что в третьей четверти XVI в. поместная система была сложившимся (хотя и слабо формализованным) институтом, а центральная власть несла обязательства перед детьми боярскими, потерявшими поместья в силу военных причин. Компенсация центральной властью поместных дач в Ливонии и западных районах Новгородской земли происходила за счет дворцовых и «порозжих» земель. На некоторых дворцовых землях образовывались целые «ветеранские колонии» «грамотчиков» (помещиков, имевших государеву грамоту, освобождавшую от части повинностей). Льготы, полученные участниками Ливонской войны в дополнение к новому испомещению, формировали, как представляется, своеобразный стиль поведения. Что-то подобное в годы Смуты можно фиксировать у «грамотчиков» 1611/1617 гг.

Информация о статье

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.: «Трансформация режимов управления разнообразием: практики и дискурсы изменения подданства в Российской империи».

Автор: Селин, Адриан Александрович — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, ORCID 0000-0002-8891-2105; e-mail: aselin@hse.ru

Заголовок: «Изгнанные из Ливонии»: Об устройстве помещиков «старых» и «новых немецких городов» после Плюсского перемирия

Резюме: Связь истории поместного освоения «немецких городов» в 1550–1580-х гг. с Новгородом, Псковом и Ржевой Пустой достаточно прозрачна. Именно эти служилые города дали новых

---

²⁹ Отписка с Дремяцкого стана подводных сборщиков Алекина и Копылова. 1585. 26.10 // Русская историческая библиотека. Т. 22 (Дела Тайного приказа. Т. 2). СПб., 1908. Т. 2. Стб. 199–201.

помещиков на захваченных землях к западу от Наровы. Однако только «пусторжевский» кейс рассматривался в историографии. В статье делается попытка обобщить имеющиеся данные о численности и персональном составе помещиков «немецких городов», на основании, прежде всего, источников 1582 г. и поставить вопрос о значении для повседневной культуры служилых людей опыта организации поместий в ливонских землях. Рассматривается география распространения поместного землевладения в Ливонии, исследуется историографическая дискуссия о причинах неудачи проекта «Русской Ливонии». Отдельное внимание уделено вопросу об эвакуации московских помещиков из Ливонии после военных поражений 1580–1582 гг. Писцовые книги Ржевы Пустой и Водской пятины содержат указания на города, из которых выводились помещики. Другие писцовые книги Северо-Запада упоминают просто категорию служилых людей «новые помещики немецких городов». Особо в источниках описываются «ругодивские и юрьевские новокрещены», а также говейские казаки. Кроме Ливонии на заключительном этапе Ливонской войны были оставлены также несколько пограничных уездов Новгородской земли. Правительство в 1582–1583 гг. взяло на себя ответственность за обеспечение и этих помещиков. В. А. Аракчеев обратил внимание на существование указа об обеспечении помещиков, изгнанных из утеранных уездов, который был издан между 23 января и 4 марта 1583 г. В начале 1580-х в помещики «немецких городов» получали во владения преимущественно «порозжие земли». Позднее им были розданы дворцовые волости.

Ключевые слова: Ливония, Новгородская земля, поместное землевладение, Ливонская война, служилые люди, дворянство, история Средневековья

Литература, использованная в статье:

Аракчеев, Владимир Анатольевич. Род Пушкиных и Псково-Печерский монастырь // Известия Русского генеалогического общества. 1995. Вып. 4. С. 51–56.

Аракчеев, Владимир Анатольевич. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодалная Россия. Новые исследования. Санкт-Петербург: Третья Россия, 1993. С. 38–42.

Бенцианов, Михаил Михайлович. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. Москва: Центрполиграф, 2019. 351 с.

Буганов, Виктор Иванович. Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577–1578 годах // Археографический ежегодник за 1964 г. Москва, 1965. С. 290–315.

Граля, Хероним. «In Der Tyrannen Hand». Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в.: планы и результаты // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2. С. 175–193.

Дегтярев, Александр Якимович. Избранные труды по русской истории. Т. 1. Москва: Парад, 2006. 517 с.

Назаров, Владислав Дмитриевич. К истории светского землевладения в России XV – начала XVI в.: коллективный снимок 1504 г. с пояснениями и дополнениями // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 6. Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Москва: Московский государственный университет, 2019. С. 20–26.

Новицкий, Георгий Андреевич. Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558–1582) // Вопросы истории. 1956. № 4. С. 134–138.

Петрухинцев, Николай Николаевич. Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // Cahiers du Monde Russe. 2015. Т. 56. № 1. С. 139–140.

Пиотух, Нина Валериевна. Деревня, сельцо, село: типология сельских поселений // Россия в средние века и новое время: Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. Москва: РОССПЭН, 1999. С. 199–215.

Пиотух, Нина Валериевна. Служилые люди на Ливонской войне // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков: ПГОИАХМЗ, 2003. С. 161–183.

Селарт, Анни. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2. С. 3–14.

Селин, Адриан Александрович. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 491 с.

Филлюшкин, Александр Ильич. Проект «Русская Ливония» // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 94–111.

Филлюшкин, Александр Ильич. Свое или чужое? Обеспечение боеспособности русской армии в годы Ливонской войны (1558–1583) в контексте военного производства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Москва: Московский государственный университет, 2015. С. 597–602.

Флоря, Борис Николаевич. К истории русского поместного землевладения в Ливонии // Русский дипломатарий. Вып. 5. Москва, 1999. С. 214–216.

Angermann, Norbert. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg/Lahn: J. G. Herder-Institut, 1972. 134 s.

Filyushkin, Alexander. The Livonian War and the Mentality of the Russian Nobles // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47. P. 420-435.

Martin, Janet. Two Pomeshchiki from the Novgorod Lands: Their Fates and Fortunes during the Livonian War // Russian History. 2007. Vol. 34. P. 239–253.

Information about the article

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program 2020 «Transformation of Regimes of Governing Diversity: Subjecthood Discourses and Practices in the Russian Empire».

Author: Selin, Adrian Aleksandrovich — Dr. Sc. in History, Professor, National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg, Russia, OrcID 0000-0002-8891-2105; e-mail: aselin@hse.ru

Title: «Expelled from Livonia»: Towards the issue of the arrangement of landowners of «Old» and «New German towns» after the Plyussa Treaty 1583

Summary: History of Muscovite estate shaping in «German towns» in 1550s–1580s is closely connected with Novgorod, Pskov, Rzheva Pustaya as servicemen communities. These servicemen were the source for new landowners in the lands taken by Muscovites to the West from Narova river. Only Rzheva Pustaya was more or less studied already. The paper is an attempt to generalize the data on number and personal content of «German towns» landowners (mostly on sources of 1582) and to study the issue of the significance of the experience of making estates in Livonian lands for the day-to-day culture of Muscovite servicemen. Geography of Russian landownership in Livonia is under consideration. Also the historiographical discussions of the reasons of Russian Livonia project fail is studied in the article. Special attention is paid to the issue of Muscovite landowners evacuation from Livonia after military defeats of 1580–1582. Record books of Rzheva Pustaya and Novgorod Vodskaya pyatina included notes of the towns and districts in Livonia that have been left by the landowners. Other record books of North-Western Muscovy only mention the new strata of servicemen «new landowners of German towns». Special groups of «Rugodiv and Juryev newly baptized [tartars]» and «Cossacks from Govye» were also separately mentioned in the record books. In the last period of Livonian War not only Livonia itself but also some border districts of former Novgorod land were left by Muscovites. In 1582–1583 the Moscow Government also took responsibility for the landowners from that lost districts. V. A. Arakcheev noted the order on the land security of those servicemen issued between January 23 and March 4, 1583. In early 1580s the landowners of «German towns» received estates in «abandoned lands». Later Court lands were spread between them.

Keywords: Livonia, Novgorod land, local land tenure, Livonian war, service people, nobility, Medieval studies

References:

Angermann, Norbert. *Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs* [*Studying the Livonian policy of Ivan the Terrible*]. Marburg/Lahn: J. G. Herder-Institut Publ., 1972. 134 p. (in German).

Arakcheev, Vladimir Anatolyevich. Rod Pushkinykh i Pskovo-Pecherskiy monastyr' [Pushkin Family and Pskov-Pechery monastery], in *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva*. Issue 4. St. Petersburg, 1995. Pp. 51–56. (in Russian).

Arakcheev, Vladimir Anatolyevich. Utrachenniy ukaz 1582 g. ob ispomeshchenii «detey boyarskikh nemetskikh gorodov» i ego realizatsiya [The Lost Order of 1582 on giving estates to «servicemen from German Towns» and its providing], in *Feodal'naya Rossiya. Novye issledovaniya*. St. Petersburg: Tretya Rossiya Publ., 1993. Pp. 38–42. (in Russian).

Bentsianov, Mikhail Mikhaylovich. «Knyazya, boyare i deti boyarskie». Sistema sluzhebnykh otnosheniy v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. [*Princes, Boyars and Boyars' sons*]. The System of Service Relations in Muscovite State, 15th–16th centuries]. Moscow: «Tsentrpoligraf» Publ., 2019. 351 p. (in Russian).

Buganov, Viktor Ivanovich. Perepiska Gorodovogo prikaza s voevodami livonskikh gorodov v 1577–1578 godakh [Correspondence of Gorodovoy Prikaz with voevodes in Livonian strongholds in 1577–1578], in *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1964 g.* Moscow, 1965. Pp. 290–315. (in Russian).

- Degtyarev, Aleksandr Yakimovich. *Izbrannye trudy po russkoy istorii* [Selected Works in Russian History]. Vol. 1. Moscow: «Parad» Publ., 2006. 517 p. (in Russian).
- Filyushkin, Alexander. The Livonian War and the Mentality of the Russian Nobles, in *Canadian-American Slavic Studies*. 2013. Vol. 47. P. 420–435.
- Filyushkin, Alexandr Ilyich. Proekt «Russkaya Livoniya» [«Russian Livonia» Project], in *Quaestio Rossica*. 2014. No. 2. Pp. 94–111. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Ilyich. Svoe ili chuzhoe? Obespechenie boespособnosti russkoy armii v gody Livonskoy voyny (1558–1583) v kontekste voennogo proizvodstva [Our of Another's? Ensuring Russian Army Combat Effectiveness during Livonian War, 1558–1583 in the Context of Military Industry], in *Rus', Rossiya: Srednevekovye i Novoye vremya*. Issue 4. Moscow: Moscow state university Press, 2015. Pp. 597–602. (in Russian).
- Florya, Boris Nikolaevich. K istorii russkogo pomestnogo zemlevladieniya v Livonii [To history of Russian landed gentry in Livonia], in *Russkiy diplomatiy*. Issue 5. Moscow, 1999. Pp. 214–216. (in Russian).
- Grala, Hieronim. «In Der Tyrannen Hand». Russkaya kolonizatsiya Livonii vo vtoroy polovine XVI v.: Plany i rezul'taty [«In der Tyrannen Hand»: Russian colonization of Livonia in the second half of the 16th century. Plans and results], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. No. 2. Pp. 175–193. (in Russian).
- Martin, Janet. Two *Pomeshchiki* From the Novgorod Lands: Their Fates and Fortunes during the Livonian War, in *Russian History*. 2007. Vol. 34. Pp. 239–253.
- Nazarov, Vladislav Dmitrievich. K istorii svetskogo zemlevladieniya v Rossii XV – nachala XVI v.: kollektivniy snimok 1504 g. s poyasneniyami i dopolneniyami [Towards the History of Civil Landownership in Russia in the 15th – early 16th century: Collective Picture of 1504 with explanations and additions], in *Rus', Rossiya: Srednevekovye i Novoye vremya*. Issue 6. Moscow: Moscow state university Press, 2019. Pp. 20–26. (in Russian).
- Novitskiy, Georgiy Andreevich. Novye dannye o russkom feodal'nom zemlevladienii v Pribaltike v period Livonskoy voyny (1558–1582) [New data of the Russian feudal land ownership in the Baltic during the Livonian War (1558–1582)], in *Voprosy istorii*. 1956. No. 4. Pp. 134–138. (in Russian).
- Petrukhintsev, Nikolay Nikolaevich. Struktura, dinamika i ierarkhiya sluzhilykh «gorodov» v XVII veke [Structure, Dynamics and Hierarchy of Service «Towns» in the 17th century], in *Cahiers du Monde Russe*. 2015. Vol. 56. No. 1. Pp. 139–140. (in Russian).
- Piotukh, Nina Valerievna. Derevnnya, sel'tso, selo: tipologiya sel'skikh poseleniy [Village, Sel'tso and Selo: Typology of Countryside settlements], in *Rossiya v srednie veka i novoye vremya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999. Pp. 199–215. (in Russian).
- Piotukh, Nina Valerievna. Sluzhilye lyudi na Livonskoy voyne [Servicemen at Livonian War], in *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: Materialy nauchnykh seminarov za 2001–2002 gg.* Pskov: PGOIAKHMZ Publ., 2003. Pp. 161–183. (in Russian).
- Selart, Anti. «Russkie boyare» v Estlyandii (konets XVI – nachalo XVII v.) [The «Russian Boyars» in Estonia (late 16th – early 17th century)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. No. 2. Pp. 3–14. (in Russian).
- Selin, Adrian Aleksandrovich. *Istoricheskaya geografiya Novgorodskoy zemli v XVI–XVIII vv. Novgorodskiy i Ladozhskiy uezdy Vodskoy pyatiny* [Historical Geography of Novgorod Land, 16th–18th centuries]. St. Peterburg: «Dmitriy Bulanin» Publ., 2003. 491 p. (in Russian).